

IMAGINES MUNDI

Альманах
исследований всеобщей истории
XVI—XX вв.

№ 5

Серия
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Выпуск 3

Екатеринбург

Издательство Уральского университета
2008

Будучи ядром интеллектуальной культуры, интеллектуальный вызов создает вокруг себя где-то плотную, а где-то растянутую во времени и пространстве оболочку идей, решений, волевых актов, формирующих ее традиции и новации.

¹ См.: *Ладенко И. С.* Интеллектуальная культура специалиста и модели мышления // Филос. науки. 1981. № 3. С. 55—62; Интеллектуальная культура специалистов. Новосибирск, 1988.

² См.: Историческое знание и интеллектуальная культура. М., 2001.

³ *Феллер В.* Введение в историческую антропологию. М., 2005. С. 42.

⁴ См.: *Барг М. А.* Эпохи и идеи: Становление историзма. М., 1987; *Ренина Л. П., Парамонова Ю. В., Зверева В. В.* История исторического знания. М., 2004.

⁵ См.: *Кертман Л. Е.* История культуры стран Европы и Америки. М., 1987.

⁶ См.: *Ушаков Д. В.* Социальный и эмоциональный интеллект: Теоретические подходы и методы измерения // Вестн. Рос. гуманитар. научн. фонда. 2005. № 4.

⁷ См.: *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991. С. 106—142.

⁸ См.: *Лантева М. П.* Интеллектуальные вызовы рубежа эпох // Преемственность и разрывы в интелект. истории. М., 2000. С. 8—10.

⁹ *Пастернак Б.* Доктор Живаго. Пермь, 1990. С. 12.

¹⁰ См.: *Вебер М.* Избранные произведения. М., 1990.

А. В. Чудинов

ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ФРАНКОВЕДЕНИЯ: ТРУДНЫЙ ПУТЬ «ФРАНЦУЗСКОГО ЕЖЕГОДНИКА»

В советское время, время планового и централизованного управления всеми сторонами жизни общества, включая сферу научных исследований, изучение истории Франции тоже носило централизованный характер. Разумеется, начинающий исследователь-франковед не получал непосредственно от государства разнарядку на возделывание того или иного участка научного поля, однако внутри самого профессионального сообщества существовала строгая иерархия, с вершины которой вниз шли импульсы, задававшие

научную «моду дня» (ее называли «актуальностью» темы) и определявшие направление развития данной отрасли историографии. А поскольку на вершине профессиональной иерархии находились люди, облеченные административными полномочиями и, следовательно, доверием государства (заведующие секторами исторических институтов Академии наук, например, утверждались непосредственно в ЦК КПСС), то и звание «актуальных» присваивалось почти исключительно идеологически значимым сюжетам.

Тем форумом, где члены советского сообщества франковедов узнавали о новейших веяниях в своей области исследований, являлась Французская группа, регулярно собиравшаяся в Институте всеобщей истории (ИВИ) АН СССР. С одной стороны, она представляла собою неформальное сообщество историков-франковедов, куда любой, кого интересовали обсуждаемые на том или ином заседании вопросы, мог свободно прийти и принять участие в обмене мнениями. С другой стороны, именно здесь мэтры профессиональной корпорации в своих докладах и выступлениях объясняли ее членам о том, что на сегодняшний день следует считать «актуальным». Поскольку регулярно посещать заседания Французской группы могли только историки-москвичи, а их иногородние коллеги вынуждены были довольствоваться лишь эпизодическими визитами в эту «святая святых» во время своих командировок в столицу, существовал канал, по которому импульсы с вершины франковедческой иерархии транслировались на всю страну. Таким каналом тогда являлся «Французский ежегодник».

Первый выпуск этого периодического издания вышел в свет в 1958 г. под редакций академика В. П. Волгина, известного не только своими трудами по истории общественной мысли, но и успешной административной карьерой в системе Академии наук, где он занимал в 1930—1935 гг. пост неперемного секретаря, а в 1942—1953 гг. — вице-президента. После него, пожалуй, ни один из историков не поднимался так высоко по служебной лестнице в этом учреждении, где тон традиционно задают специалисты по естественным и точным дисциплинам¹. Правда, по воспоминаниям С. В. Оболенской, В. П. Волгин «был уже стар и болен, и, хотя он живо и горячо интересовался делами нового издания, факти-

ческими руководителями с самого начала стали А. З. Манфред и В. М. Далин»². Тем не менее благодаря «административному ресурсу» главного редактора на первый выпуск удалось получить беспрецедентный объем — почти пятьдесят печатных листов. В дальнейшем издание, увы, неуклонно «худело», пока не достигло в 1990 г. мизерных, по сравнению с первым томом, шестнадцати печатных листов.

После смерти В. П. Волгина в 1963 г. «Ежегодник» возглавил А. З. Манфред, остававшийся на этом посту до своей кончины в 1976 г. Все это время, а затем и в последующие девять лет заместителем главного редактора был В. М. Далин. Они же (А. З. Манфред и В. М. Далин) руководили и Французской группой.

Разумеется, формально никто никому ничего не навязывал. Однако попытки кого-либо из коллег покинуть намеченную «свыше» столбовую дорогу деликатно, но твердо пресекались. Вот как сегодня описывает свой соответствующий опыт А. В. Гордон: «Придя в аспирантуру к Манфреду в 1961 г., я попросил у него в качестве диссертационной темы падение якобинской диктатуры. Манфред возразил, сославшись на ее “непроходимость”, а спустя 10 лет сам предложил Е. В. Киселевой историю Термидорианского переворота. “Теперь” (курсив А. В. Гордона. — А. Ч.) это можно”, — отметил он. Какие конкретно изменения имел в виду Манфред, говоря в обоих случаях “теперь”, могу только догадываться. Однако суть мне была очевидна: в те годы подобные намеки означали, как правило, “режимность” темы, нежелательность ее разработки по тем или иным идеологическим мотивам и снятие таковой»³.

Причем к подобным «советам» мэтров приходилась внимательно прислушиваться не только их будущим аспирантам или коллегам по институту, но и другим членам профессиональной корпорации. Число диссертационных советов по всеобщей истории в стране было невелико, потенциальных оппонентов для франковедческих диссертаций и того меньше, докторов же и вовсе наперечет, а потому для желающих защищаться по истории Франции все дороги, как правило, вели в Москву. А потому ссориться с мэтрами никто не хотел, предпочитая следовать обозначенной ими стезей «актуальных» тем.

Одним из немногих случаев, когда попытка направить «заблудшую овцу» на путь истинный носила форму открытого конфликта, стала критика А. З. Манфредом и В. М. Далиным трактовки якобинской диктатуры, которую предложил ленинградский профессор В. Г. Ревуненков⁴. Руководители Французской группы и «Французского ежегодника» собрали для разбора его «заблуждений» симпозиум в ИВИ, куда пригласили со всей страны наиболее авторитетных специалистов по данной теме. Как вспоминает С. В. Оболенская, входившая тогда в редколлегию «Ежегодника», выступления Манфреда и Далина, «несмотря на все оговорки, звучали категорично и источали уверенность в исключительном праве на истину. Симпозиум этот выявил некоторую нетерпимость руководителей “Ежегодника” к инакомыслию. <...> Наши “мэтры” определяли, что плохо, а что хорошо»⁵.

Вместе с тем было бы неправильно видеть во Французской группе и «Французском ежегоднике» советского времени только идеологические «маяки», указующие отечественным франковедом приоритетные пути исследований. Оба эти института играли также важную координирующую роль, служа своего рода площадками для встреч специалистов по самым разным, порою весьма далеким друг от друга периодам французской истории, где коллеги с интересом узнавали о том, кто и над какими проблемами работает.

«Великое землетрясение» 1991 г., разрушившее Советский Союз, расколело и прежде единое пространство франковедческих исследований. некогда монолитный «материк» распался на множество разрозненных островов, практически не связанных между собой. Прекратила свое существование Французская группа. Из-за финансовых проблем закрылся «Французский ежегодник»: его последний советский выпуск увидел свет в 1990 г. Ну а поскольку с постепенным размыванием, а затем и ликвидацией в стране идеологической монополии он уже давно, еще в 80-е гг., утратил свою «указующую» функцию, в полной мере сохранив еще более важную функцию — координирующую, его исчезновение стало тяжелой потерей для профессиональной корпорации отечественных франковедов.

Впрочем, и о самой корпорации как об едином целом в 90-е гг. говорить уже не приходилось: некогда обширное сообщество вступило в период «феодалной раздробленности». Разумеется, и после «великого катаклизма» та или иная форма научной жизни на тех или иных «островах» франковедческого архипелага сохранялась, а где-то даже развивалась, но при этом обитатели отдельных «островов» имели порою лишь самое смутное представление о том, что происходило у их «соседей», а зачастую и вообще ничего о них не знали.

Диссертационные советы возникали по всей стране быстрее, чем грибы после дождя, производя многочисленных кандидатов и докторов наук. В результате появилось целое поколение остепененных специалистов, так сказать, сугубо локального уровня, о которых никто из коллег за пределами их вуза часто даже не слышал. Имея пару публикаций в институтских малотиражных сборниках, которые и в библиотеки-то не всегда попадают, можно было выйти на защиту в своем совете и, пригласив оппонентов из своего же или соседнего «братского» города, получить степень едва ли не за любой текст. Иногда среди подобных работ встречались и вполне отвечавшие уровню, принятому сегодня в мировой науке, но эти редкие исключения были скорее следствием высокой квалификации научного руководителя и требовательности к себе соискателя, нежели существовавшей до последних перемен системы присвоения степеней. Гораздо же чаще защищалось все, что угодно. В одном поволжском городе, например, на ура прошла кандидатская по истории Швеции при том, что в совете не имелось ни одного специалиста по Скандинавии, а оба оппонента были англоведами. В ВАКе же обратили на сей факт внимание только потому, что соискатель в анкете честно признался в незнании шведского языка. Работу отправили на дополнительную экспертизу, окончившуюся для диссертанта не лучшим образом. А если бы он не признался, то сегодня уже сам считался бы «квалифицированным специалистом» по шведской тематике.

В тот период в отечественном франковедении, как и во многих других отраслях историографии, сложилась парадоксальная ситуация: при возросшем количестве остепененных историков

плотность научной среды существенно снизилась. В отсутствие прежних общих «площадок» для обсуждения результатов тех или иных исследований в нем могло принять участие уже несравнимо меньшее число специалистов, чем ранее. Более того, до многих «островов» отголоски этих обсуждений просто не доходили. Сошлюсь на недавно вышедшую в журнале «Новая и новейшая история» статью Д. Ю. Бovyкина о современном состоянии в нашей стране знаний о Французской революции XVIII в. Проанализировав, как сегодня преподается ее история в отечественных вузах, он грустно констатирует, что «ряд программ по-прежнему наполнен старыми штампами, не позволяющими говорить о каком-либо новом прочтении истории Революции»⁶. И это — 2007-й год! А что же тогда говорить о «мутном времени» 90-х?! Неудивительно, что на исходе того десятилетия один из патриархов советского франковедения В. П. Смирнов предупреждал об угрозе грядущего кризиса в этой сфере отечественной историографии:

К сожалению, из-за финансовых трудностей «Французский ежегодник» больше не издается. В 1990 г. вышел его последний выпуск. Не действует сейчас и Французская группа. Ни в одном научно-исследовательском или учебном заведении России нет секторов или кафедр по истории Франции. Правда, успешно развиваются такие сравнительно новые формы сотрудничества ученых, как международные конференции и коллоквиумы, организуемые Институтом всеобщей истории РАН и другими научными учреждениями, однако российские франковеды, в отличие, например, от специалистов по истории США, не имеют ни объединяющего центра, ни своего печатного органа. Их численность, по-видимому, сокращается, и существует реальная угроза ослабления российских исследований по истории Франции⁷.

В подобной ситуации «разброда и шатания» группа энтузиастов из ИВИ и МГУ в 2000 г. вновь спустила на воду старый корабль «Французского ежегодника» и, капитально отремонтировав его, отправилась в плаванье, пытаясь восстановить связь между разрозненными «островами» франковедческого архипелага. В 2001 г. к команде присоединились саратовские историки: Саратовский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского взял на себя

наряду с ИВИ бремя соиздателя «Ежегодника». В 2002 г. экипаж и вовсе стал международным: к числу соиздателей добавился Франко-российский центр общественных и гуманитарных наук⁸.

Особенности возобновленного издания, думаю, лучше всего оценивать в сравнении со старым «Ежегодником», выходявшим до 1990 г.

На первый взгляд может показаться, что между массивным томом первого выпуска, включавшим в себя статьи по широкому спектру проблем французской истории, и нынешними «тетрадка-ми» в шестнадцать-восемнадцать печатных листов, специализированными по конкретным, достаточно узким темам, нет ничего общего, кроме названия. Однако видимость обманчива. В действительности даже по внешним параметрам нынешний «Ежегодник» полностью сохраняет преемственность с прежним. Хотя тот действительно начинал с огромного по нынешним меркам объема, однако к последнему перед закрытием выпуска, как уже отмечалось, достиг тех же шестнадцати печатных листов, что и ныне.

Специализация отдельных номеров также началась еще до перерыва. Том 1987 г. полностью был посвящен двухсотлетию Французской революции XVIII в., а 1988 г. — вековому юбилею Шарля де Голля. Именно такой подход — специализация каждого выпуска по конкретной теме — положен в основу и нынешнего издания. Первый после перерыва выпуск носил подзаголовок «200 лет Французской революции 1789—1799 гг.: итоги юбилея», второй (2001) посвящался истории элит в Средние века и начале Нового времени. Темы следующих выпусков были таковы: 2002-й — «Историки Франции. К 100-летию В. М. Далина (1902—1985)», 2003-й — «Правые во Франции», 2004-й — «Формы религиозности в XV — начале XIX в.», 2005-й — «Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905—1972)», 2006-й — «Наполеон и его время. К 100-летию А. З. Манфреда (1906—1976)».

Нынешний «Ежегодник», как и прежний, стремится играть координирующую роль в профессиональном сообществе отечественных франковедов, выступая своего рода центром притяжения для историков из разных городов нашей страны. В тридцати томах старого «Французского ежегодника» увидели свет работы

сорока двух немосковских авторов⁹, и нынешняя редакция старается сохранить преемственность в данном отношении. В первых семи выпусках опубликованы двадцать четыре статьи шестнадцати историков из Брянска, Екатеринбурга, Казани, Ростова-на-Дону, Санкт-Петербурга, Самары, Саратова, Тамбова, Тюмени, Ярославля, а также из заграничных ныне Еревана и Одессы.

Помимо координации в нашей стране исследований по истории Франции, прежний «Ежегодник» выполнял также функцию установления и развития научных связей отечественных франковедов с зарубежными, прежде всего французскими. Публикуя на своих страницах работы видных историков Франции, в том числе (хотя и не столь часто, как хотелось бы) представителей школы «Анналов», «Французский ежегодник» и ранее был одним из немногих в ту пору «окон в Европу», сквозь которые к нам проникали кое-какие веяния западной историографии. Теперь, к счастью, ситуация радикально изменилась, и никаких препятствий (кроме субъективных и финансовых) для интеграции отечественной исторической науки в мировую больше нет. Тем не менее редакция возобновленного издания считает важным продолжение традиций и в этой области, рассматривая ежегодник как территорию кросс-культурных контактов между различными национальными школами историографии. Такое намерение встречает полное понимание у наших французских коллег, охотно предоставляющих для публикации на его страницах свои новейшие тексты. В семи выпусках возобновленного «Ежегодника» увидели свет работы таких известных представителей современной французской исторической науки, как Б. Бачко, Ж.-О. Будон, Ф. Бурден, Б. Гэно, Ж. Делюмо, Р. Десимон, Ж. Дюби (предоставлено вдовой ученого), Ж. Дюма, П. Генифе, Д. Крузе, К. Мазорик, М. Озуф, А. Руссо, Ж. Ф. Сиринелли.

И наконец, хорошо это или плохо, но определенная преемственность между прежним и возобновленным «Ежегодниками» прослеживается и в количественном преобладании здесь материалов по новой истории. Правда, теперь это обусловлено совершенно иными причинами, нежели ранее. Тогда приоритет Новому времени отдавали прежде всего потому, что именно этот период француз-

ской истории был особенно насыщен революционными событиями, к коим советская историография традиционно питала повышенный интерес. Теперь же это связано с тем, что, определяя тему очередного выпуска, редакция руководствуется не только ее актуальностью, но и стремлением привлечь авторов, занимающихся разными периодами: например, Средними веками и Новым временем (Французский ежегодник 2001) или Новым временем и новейшей историей (Французский ежегодник 2003). Ну а поскольку у специалистов по новой истории есть точки соприкосновения и с медиевистами, и с историками современности, им лучше всего удастся сочетаться и с теми, и с другими. Впрочем, заметим также, что среди отечественных франковедов специалисты по истории Нового времени в количественном отношении также составляют большинство.

После констатации стольких линий преемственности старого и нового изданий вполне может возникнуть вопрос: чем же нынешний «Французский ежегодник» отличается от прежнего? Главное отличие можно выразить одним словом — п л ю р а л и з м. Претензии бывших «мэтров» советского франковедения на обладание абсолютной истиной остались в прошлом. Да и кто сейчас может всерьез полагать, что обладает монополией на истину, если и само существование объективной истины теперь нередко ставится под сомнение?

«Ежегодник» сегодня — это место, где свободно встречаются историки с разными мировоззренческими, идеологическими, политическими и методологическими позициями. Приведу лишь один пример. Те, кто интересуется историей Французской революции XVIII в. — темой, как известно, идеологически и политически весьма острой, хорошо знают об ожесточенных спорах 60—80-х гг. между приверженцами ее «классической» интерпретации, возглавлявшимися А. Собулем, и сторонниками «ревизионистского» («критического») прочтения, группировавшимися вокруг Ф. Фюре. Хотя сегодня ни А. Собуля, ни Ф. Фюре уже нет в живых, угли этой дискуссии продолжают во Франции тлеть, а историков «классического» и «критического» направлений, говоря словами одного из них, по-прежнему разделяет «берлинская стена». В прежние

времена «Французский ежегодник» в жесткой форме выступал на стороне марксиста А. Собуля, сегодня же это издание открыто для всех точек зрения. На его страницах теперь печатаются и ученик Ф. Фюре, представитель четвертого поколения школы «Анналов» П. Генифе¹⁰, и ученик А. Собуля, ныне председатель Общества робеспьеристских исследований Ф. Бурден¹¹. В 2003 г. и вовсе имело место событие, абсолютно невозможное во Франции: два видных представителя соперничающих направлений — «классического» (К. Мазорик) и «критического» (М. Озуф) — опубликовали у нас под одной обложкой очерки соответственно о А. Собуле и Ф. Фюре.

Точно так же редакция возобновленного «Ежегодника» приветствует и самый широкий плюрализм методологических подходов к изучению всех тех аспектов истории Франции, которые становятся темами специализированных выпусков. В некотором смысле кредо издания можно сформулировать как «новый взгляд на старые сюжеты». Во всяком случае, именно подобным образом авторы «Ежегодника» попытались подойти к рассмотрению таких традиционных, казалось бы, тем, как история Французской революции (2000)¹², дворянства (2001)¹³, правой политической традиции (2003)¹⁴, религиозных конфликтов (2004)¹⁵, абсолютизма (2005)¹⁶ и др. Причем особо надо отметить, что, в отличие от многих современных отечественных изданий, специализирующихся на обсуждении новейших методологий, содержание первых выпусков возобновленного «Ежегодника» составляют в основном исследования по конкретной проблематике, где такие методологии применяются. Впрочем, методологические аспекты изучения определенных тем, и в частности проблемы понятийного аппарата, также находят здесь свое отражение¹⁷.

Понятие «плюрализм» относится и к формам общения редакции и авторов с читательской аудиторией. Если в 2000 г. в плавание под флагом «Французского ежегодника» вышел одинокий корабль, то теперь в его кильватере следует целая флотилия изданий. Прежде всего к таковым надо отнести сайт в Интернете¹⁸, где публикуются статьи старого и нового «Французского ежегодников», а также другие материалы по истории Франции.

Кроме того, помимо томов собственно «Ежегодника», его редакция начала с 2003 г. публикацию серии монографий по акту-

альным проблемам французской истории — «Библиотеку Французского ежегодника». Первой ласточкой стала книга П. Генифе «Политика революционного террора 1789—1794 гг.»¹⁹, выход которой во Франции двумя годами ранее вызвал широкий резонанс и острую дискуссию в научных кругах. Далее в этой серии увидела свет классическая монография Б. Бачко «Как выйти из Террора? Термидор и революция»²⁰. В настоящий момент идет работа над изданием одной из книг А. Фарж по истории повседневности XVIII в.

Разумеется, никаких усилий команды «Французского ежегодника» не хватит для того, чтобы вновь превратить широко разбросанный архипелаг отечественного франковедения в единый материк. Но если обитатели отдельных «островов» хотя бы узнают о том, что где-то за пределами их непосредственной видимости есть другая жизнь, отличная от их собственной, эти усилия окажутся затраченными не зря.

¹ Подробнее о нем см.: *Гладышев А. В.* Историк — руководитель: В. П. Волгин // *Историк и власть: Советские историки сталинской эпохи.* Саратов, 2006.

² *Оболенская С. В.* Первая попытка истории «Французского ежегодника» // *Фр. ежегодник.* 2002. М., 2002. С. 57.

³ *Гордон А. В.* А. З. Манфред — биограф Наполеона: советская наполеонистика от 1930-х к 1960-м // *Фр. ежегодник.* 2006. М., 2006. С. 47—48.

⁴ Подробнее см.: *Летчфорд С. Е.* В. Г. Ревуненков против «московской школы»: Дискуссия о якобинской диктатуре // Там же. 2002. М., 2002.

⁵ *Оболенская С. В.* Указ. соч. С. 73—74.

⁶ *Бовыкин Д. Ю.* О современной российской историографии Французской революции XVIII в.: Poleмические заметки // *Нов. и новейш. история.* 2007. № 1. С. 69.

⁷ *Смирнов В. П.* Виктор Моисеевич Далин // *Ист. этюды о Фр. революции: памяти В. М. Далина: К 95-летию со дня рождения.* М., 1998. С. 23.

⁸ В нынешний редакционный совет «Ежегодника» входят: А. В. Чудинов (главный редактор), З. С. Белоусова, Д. Ю. Бовыкин (зам. главного редактора), А. В. Гладышев, Ю. П. Крылова (отв. секретарь), В. С. Мирзеханов, В. Познер, П. Ю. Уваров, П. П. Черкасов.

⁹ См.: *Оболенская С. В.* Указ. соч.

¹⁰ См.: *Генифе П.* Французская революция и Террор // *Фр. ежегодник* 2000. М., 2000; *Он же.* «Рассуждения о Франции» Ж. де Местра и Французская революция // Там же. 2003. М., 2003.

¹¹ См.: *Бурден Ф.* Революционная аккультурация: борьба за новую социальность // Там же. 2001. М., 2001.

¹² См.: Чудинов А. В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // Там же. 2000. М., 2000; Блуменау С. Ф. В поисках новых подходов: 200-летие Революции и французская историография // Там же.

¹³ См.: Уваров П. Ю. Социальная история французского дворянства на перекрестке герменевтики и эмпиризма // Там же. 2001. М., 2001; Десимон Р. Дворянство, «порода» или социальная категория? // Там же.

¹⁴ См.: Сиринелли Ж. Ф. Деление на правых и левых во Франции: величина постоянная или переменная? // Там же. 2003. М., 2003; Бовыкин Д. Ю. Год 1795: несостоявшаяся реставрация // Там же.

¹⁵ См.: Уваров П. Ю. Что стояло за Религиозными войнами XVI в.?: От социальной истории религии к «*le vécu religieux*» и обратно // Там же. 2004. М., 2004; Делюмо Ж. Историк и его религия // Там же.

¹⁶ См.: Малов В. Н. Три этапа и два пути развития французского абсолютизма // Там же. 2005. М., 2005; Крузе Д. Король и насилие: Из истории французского абсолютизма XVI в. // Там же.

¹⁷ См.: Чудинов А. В. Просвещенная элита: Из истории понятия // Там же. 2001. М., 2001; Дюма Ж. Об изучении элит в современной историографии // Там же.

¹⁸ См. официальный сайт «Французского ежегодника». Режим доступа: <http://annuaire-fr.narod.ru>.

¹⁹ См.: Генифе П. Политика революционного террора 1789—1794 гг. М., 2003.

²⁰ См.: Бачко Б. Как выйти из Террора?: Термидор и революция. М., 2006.

В. А. Бабинцев

ТОТАЛИТАРИЗМ КАК УМОНАСТРОЕНИЕ

По материалам Парижских международных коллоквиумов 2000—2004 гг.

Прогрессирующим скепсисом характеризуется отношение российского научного сообщества к концепту тоталитаризма после всплеска интереса конца 1980-х — начала 1990-х гг. Право на скептицизм — одно из священных прав ученого, только в данном случае вместо исследовательской активности оно стимулирует обратный дефицит аналитики. Последним обобщающим словом академической науки в означенном проблемном поле до сих пор остается выпущенный в 1996 г. под руководством Я. С. Драбкина и Н. П. Комоловой сборник «Тоталитаризм в Европе XX в.»